

ОСОБЕННОСТИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В СОВРЕСЕННОЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Мирзакулов Адхамжон Алмарданович
Денауский институт предпринимательства и
педагогике

Аннотация:

В данной статье рассматриваются вопросы возникновения деепричастий, и роль в современной русской грамматике деепричастия как особая форма глагола.

Ключевые слова:

Деепричастие, глагол, русский язык, синтаксис, грамматика, актуальность.

Определяя основные направления исследований в области исторической морфологии русского языка, В.В. Виноградов отмечал, что «история деепричастий, способов их образования и синтаксического употребления... нам вовсе не известны»¹. Несмотря на то, что с тех пор прошло немало времени, проблема, обозначенная В.В. Виноградовым, не потеряла своей актуальности. Русское деепричастие представляет собой грамматическую категорию, в описании которой существуют разные, порой весьма противоречивые мнения, касающиеся разных аспектов как истории, так и современного состояния деепричастия. Прежде всего нет единства в определении его грамматического статуса, причем такая ситуация имеет давнюю традицию. Так, в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова в Наставлении IV («О глаголе») приведены возможные для середины XVIII в. причастные и деепричастные формы, но далее, в Наставлении V («О служебных частях слова»), речь идет уже только о причастиях, а деепричастия отдельно не рассматриваются. Аналогичное положение находим в «Российской грамматике» А.А. Барсова, который среди 8 частей речи отмечает причастие, не выделяя деепричастия. Таким образом, А.А. Барсов вслед за М.В. Ломоносовым объединяет причастия и деепричастия в одну категорию. Отсутствие единства в вопросе о категориальном статусе деепричастия наблюдается на протяжении длительного времени, вплоть до современного русского языка. Так, Ф.И. Буслаев рассматривал деепричастие как часть речи – отглагольное наречие; Д.Н. Овсяннико-Куликовский выделял деепричастие в отдельную часть речи; В.А. Богородицкий относил его к придаточным частям речи, имеющим собственное значение, называя «наречием к причастию»; А.М. Пешковский рассматривал как смешанную часть речи, что сходно с точкой зрения В.В. Виноградова, который назвал деепричастие гибридной наречно-глагольной категорией. Определение места деепричастия в грамматической системе русского языка, которое дают современные ученые, развивающие традиции своих предшественников, делит их на два противоположных лагеря. Наиболее распространенной, получившей отражение в Русской грамматике (1980) стала точка зрения, согласно которой деепричастие является формой глагола. Однако эта форма также определяется по-разному. В грамматических трудах середины XX в. ее называют

¹ Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. I-II.

неспрягаемой (А.Н. Гвоздев; Грамматика русского языка, 1953), позже – неличной (А.А. Зализняк; И.Г. Милославский), атрибутивной (Грамматика русского литературного языка, 1970). Последнее определение представлено и в Русской грамматике (1980): «Деепричастие – это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия, то есть значения действия и обстоятельственно-определяющее»². В соответствии с другим мнением, деепричастие признается самостоятельной частью речи, хотя и с оговорками: «Лексико-грамматические свойства деепричастия не укладываются ни в рамки глагола, ни в рамки наречия. Они формируются как таковые на глагольном материале под сильным влиянием наречий. Это позволяет рассматривать их как особый разряд слов, хотя самостоятельность их весьма относительна»³. Нет единства среди ученых и по вопросу об определении морфологических признаков деепричастия. Здесь также можно выделить две группы мнений. Большинство лингвистов считает, что деепричастия обладают категорией вида (В.В. Виноградов; П.С. Кузнецов; Грамматика русского языка (1953); Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов; Русская грамматика (1980) и др.), причем вид деепричастия соответствует виду глагола, от которого это деепричастие образовано. Однако при этом в ряде случаев возможно появление синонимичных (= вариантных) форм, что связано с допустимостью использования при одной и той же глагольной основе разных суффиксов, обслуживающих деепричастия разных видов (ср.: увидеть – увидя и увидев, принести – принеся и принесши и др.). От этого мнения несколько отличается позиция И.Г. Милославского, который считает, что видовое значение деепричастий выражается не глагольной основой, а показателем деепричастия. Наиболее существенными факторами, на основании которых можно говорить о начавшемся выделении деепричастия в качестве самостоятельной грамматической категории, представляются грамматическое значение и синтаксические функции отдельных форм древнего причастия, послуживших источником новой категории слов. В.В. Виноградов указывал: «Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике... В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса». Думается, что это высказывание в полной мере может быть применено и к истории деепричастия. Указание на изменение синтаксических функций именного действительного причастия как причину возникновения деепричастий находим в работах многих ученых, занимавшихся проблемой образования деепричастия как в русском (А.А. Потебня, Е.А. Истрина, Е.Ф. Карский, А.А. Шахматов и др.), так и в других славянских языках (В. Барнет, Р. Ружичка, Р. Вечерка, М. Деянова и др.). В частности, М. Деянова рассматривает процесс возникновения деепричастия как межъязыковое явление, которое через процесс развития предложения, в конечном счете, связано с развитием мышления. С одной стороны, развитие потребностей общения и усложнения смыслового содержания обуславливало известное усложнение языковой единицы, которая находится в теснейшей связи с мыслительными формами, – предложения. С другой стороны, существовали стремление сохранить ясность и необходимость дифференцировать главное и второстепенное. Такое развитие приводило к распаду причастных конструкций и причастных предложений и возникновению деепричастия и атрибутивных конструкций. Тенденция к ясности в усложняющейся структуре предложения диктовала необходимость усиления противопоставленности между членами предложения и простым предложением. Деянова характеризует функциональное развитие деепричастия как медленный и постепенный.

² Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.

³ Обнорский С.П. О языке Ефремовской Кормчей XII в. // Исследования по русскому языку. – Спб., 1912. – Т. III, Вып. 1. – 85 с. 5

процесс, начало которого можно обнаружить уже в старославянских памятниках⁴. Исходные функции именного действительного причастия, вслед за А.А. Потебней, определяются в научной литературе как атрибутивное и аппозитивное употребление. Причастия в аппозитивной функции были широко представлены в славянских языках. Некоторые исследователи считают, что у древнего именного действительного причастия можно выявить и адвербиальную функцию: отмечается существование в старославянском языке «деепричастного причастия», «адвербиального причастия», причастия с функцией «предикативного обстоятельства»⁵. По-видимому, употребление причастия в адвербиальной функции может быть расценено как отражение синкретизма старого причастия в начальный период развития дифференциации между его краткими и полными формами.

Использованная литература:

1. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. I–II.
2. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.
3. Обнорский С.П. О языке Ефремовской Кормчей XII в. // Исследования по русскому языку. – Спб., 1912. – Т. III, Вып. 1. – 85 с. 5
4. Абдулхакова, Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке / Л. Р. Абдулхакова. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. – 188 с.
5. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий. – 5-е изд., перераб.– М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 356 с.

⁴ Абдулхакова, Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке / Л. Р. Абдулхакова. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. – 188 с.

⁵ Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий. – 5-е изд., перераб.– М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 356 с.